

ЦЫМБУРСКИЙ В.Л.

ЕЩЕ THRACO-TYRRHENICA (ЭГЕОФРАКИЙСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ КОНЯ И ЭТРУССКИЙ ВОТИВ SELVANZL ENIZPETLA).

В начале 90-х соросовское «Открытое общество» затеяло забавный конкурс научных заявок – не проектов-грантополучателей, а формулируемых задумок как таковых – с наградой победителям в 100 долларов. Тогда я впервые написал о характерных фракизмах в ономастике этрусков, в частности фракизмах, отмеченных сатемными рефлексамии индоевропейских палатальных смыхных. Память озаряется солнечным теплейшим вечером, когда, разменяв соросовские залетные баксы, я уболагодворенно покупаю с лотка возле метро «Октябрьская» томики собираемых мною «Мастеров остросюжетной мистики». Позднее мне довелось узнать, что отзыв на ту заявку – мною заброшенную больше, чем на десятилетие и реализованную уже в начале нового века, - отзыв, преисполненный острого интереса к теме и непривычно лестных слов об авторе как лингвисте и античнике, принадлежал В.Н.Топорову. Это воспоминание – повод посвятить памяти Владимира Николаевича новый фрако-этрисский этюд, уже не успевший попасть к нему в руки.

* * *

В моем докладе на Балканских чтениях 2001 г., позднее переработанном в статью [Цымбурский 2003], я обсуждал - среди иных фрако-этрисских соответствий - тождество основы этрисских родовых имен Ezpa, Ezpi и фракийских личных имен Ἐζβας (греческий род. падеж Ἐζβεω) также Ἐζβενις, вар. Ἐσβενις, Esbenus, Hezbenus, объясняемой для фракийского как рефлекс и.-е. *ek'wos «конь» (лат. equus, др.-инд. асва, лит. ашва¹ лув. иерогл. асуwa, лик. esbe и т.д.)¹.

В нынешней же работе я хочу показать, что еще одно диалектное отражение того же индоевропейского слова во Фракиии также находит соответствие в Этрисии. Я говорю об известном элементе -ισβος, -ισβη, представленном во фракийском гидрониме Ἄρισβος, названии одного из притоков Гебра, также в Ἄρισβη: названии городов в Троаде, на

1. Список фиксаций этой основы в Этрисии можно было бы дополнить южнофракийским вотивом есп turce Iaris thefries espial atial саthas (SE,59, 1993 [1994], с.269; там же см. ценный комментарий публикатора Л.Бонфанге). Этот вотив примечателен не только из-за уникальности формулы atial Саthas «Матери-Солнцу», но и благодаря родительному

Лесбосе и – вторично, в греческой Беотии (Strab.XIII,I,21; Suid. s.v.)². Сперва А.Хойбек, а за ним Л.А.Гиндин соотнесли этот элемент со второй частью южноанатолийских личных имен исавр. Дорμ-ισβας, килик. Дорμ-ισπας, писид. Μασσαν-ισβας, памф. Μαγασ-ιΨΦας (= isswas), усмотрев здесь название «лошади», вариантное к лув. иерогл. ašūwa и лик. esbe [Heubeck, 1962,88; Гиндин, 1967, 145 сл.]. При этом Хойбек, блестяще объяснив Μασσαν-ισβας, с лув. mašana «бог» в его начальной части, как аналог греч. Ποσειδ-ιππος, в смысле «Конь Божества», «Божественный Конь», усматривал в элементе Αγ- из названия троянской Арисбы либо также отсылку к некоему малоазийскому теониму, либо эпитет, эквивалентный εὖ- в греч. εὖιππος (ср. хетт. aga «хорошо», «должно», греч. ἀρείων «лучший», ἄριστος «наилучший», личное имя Ἄριστ-ιππος «владелец наилучших коней»). Надо сказать, последнее объяснение весьма подходит к фракийскому гидрониму Ἄρισβος, попадающему в один ряд с приводимыми В.Н.Топоровым многочисленными «гиппофорными» речными названиями у индо-европейцев: др.-инд. Aśva-nadī, греч. Ἴππο-κρήνη, Ἴππο-κίων, Ἴππαιῶν, лит. Ašvinė, Ašvā, Ašvijà и т.д. [Топоров 1990,53].

Что же касается названия троянской Арисбы, то косвенным подкреплением такой этимологии мог бы служить пассаж из «Илиады» II, 838-839, где троянского героя Асия Гиртакида «приносят из Арисбы кони блещущие, огромные» (Ἄσιος Ὑρτακίδης, ὃν Ἄρισβηθεν φέρον ἵπποι αἴθωνες μεγάλοι...). Имя Ἄσιος < Aswios (ср. мик. a-si-wi-jo- в Kn Df 1469, PY Cn 285, MY Au 653 и a-64 –jo, то есть a-swi-jo в Kn Sc 261, PY Cn 1287, Fn 324), так же, как обозначение части анатолийского запада Ἄσιη < анат. *Asw-ia, хетт. Aššuwa < *Ass(u)w-uwa «Конная страна», явно содержало в основе лувийское слово для «лошади» as(s)uwa- [Durnford 1977, 53; Иванов 1977, 14] Между тем Ἄρισβη – название для владения конника Асия – может отражать не общелувийский, но некий локальный вариант того же термина с сужением начального гласного [Гиндин-Цымбурский 1996, 193].

К формам, рассмотренным Хойбеком и Гиндиным, можно бы, с должной осторожностью,

падежу Espial от женского когномена *Espei < *Espai, обнаруживающему при сравнении с Ezpa, Ezpi колебание –zр- ~ -sp-, которое имеет прямые параллели во Фракии (Εζβενις ~ Εσβενις, далее эпитет конного бога Хэроса Ουετ-εσπιω, Βετ-εσπιω).

2. Женское мифологическое имя Ἄρισβη в Трое (St.Byz. s.v. Ἄρισβη, Ард. III,12,5), мужское имя Ἄρισβας, -втос в преданиях Беотии (Paus. IX,36,6) и в «Илиаде», XVII, 345, где его носит отец некоего сражаемого Энеем ахейца Леокрита, естественно трактуются как вторичные, производные от топонимов. Однако малоазийские и, особенно, микенские параллели (см. ниже) склоняют к мысли, что в бронзовом веке этот композит мог иметь и антропонимическое употребление.

присоединить аркадский топоним Ἐνίσπη, упоминаемый в «Каталоге кораблей» (П. П,606 ἠνεμοέσσαυ Ἐνίσπη), а позднее представлявший по динную загадку для античных

географов (Strab. VIII, 8,2; Paus.VIII, 25,12). Очевидно, что этот топоним никак не связан с греч. ἐνίσπω = ἐν(ν)έλπω «повествовать, звать, велеть». Но, на мой взгляд, здесь необязательно предполагать и догреческое субстратное образование на Пелопоннесе – с меньшей вероятностью имя Эниспы могло быть принесено самими греками на юг из северных областей Балкан, так же как они могли принести, где-то усвоив его, и негреческое название Арисбы в Беотию.

Все эти факты позволяют поставить проблему общего очага балкано-анатолийских отражений и.-е. *ek'wos с суженным гласным основы – собственно, сатемных и кентумных преломлений ареального варианта *ik'wos (включая сюда также греч. ἵππος, вар. ἴκκος, вытеснившее ту древнюю основу, которую имеем в др.-макед. Ἐπό-κιλλος «Коне-серый», т.е. «Владелец серых коней», в этнониме Ἐπειοί и в мифическом имени строителя Троянского коня Ἐπειός). В принципе, имена на -ισβας, -ισπας, *-isswas могли бы отражать старую хеттскую форму, также соотносящуюся своей огласовкой с лув. иерогл. ašwa, как, скажем, хетт. idalus «злой» с лув. aduwalis то же [Ларош 1980, 227]. Но на деле не очень-то правдоподобно – усматривать такой реликтовый хеттизм³ в именах, отмечающих южноанатолийские области древнего расселения лувийцев, да еще и в сочетании с сугубо лувийским элементом Μασναυ-. Гораздо вероятнее, что общий их прообраз *is(u)wa(s) был характерен для некоторых раннелувийских диалектов, восходя к тому же ареальному источнику, что и балканские формы с той же вокальной особенностью, охватившие, в частности, и соседнюю с Эгейской Фракией Троаду.

Очень важны микенские личные имена a-ri-qa (PY Au 723) и a-ri-qa (PY Jn 832). Их основа, несомненно, представляет точную параллель к основе названий Ἄρισβος, Ἄρισβη, но это отнюдь не дает оснований, вслед за Дж.Чедвиком, фонетически интерпретировать a-ri-qa как *Arisg^was [Ventris-Chadwick 1973,534]. Скорее, следует говорить о раннегреческих композитах *Ar-ikwos, *Ar-ikwa(~ * Ἄρ-ιππος) с ikwos «конь» (мик. i-qa), как о древнейших прообразах греч. Ἄριστ-ιππος, семантически и структурно

3. Хотя он вполне допустим, например, в названии восточноанатолийской области Iššuwa, образованном совершенно идентично западному прозвищу «Конской страны» Aššuwa. К тому же нельзя забывать, что настоящее хеттское чтение идеограммы ANŠU.KUR.RA «лошадь, конь» в точности неизвестно, о нем можно строить лишь предположения по лувийско-ликийским соответствиям.

эквивалентных эгеофракт.-троян. Ἄριστος, -η и отмеченных таким же адстратным негреческим явлением – сужением корневого $e > i$ в позиции перед этимологическим палатальным смычным. Учитывая археологически засвидетельствованное передвижение в XXIII-XXII вв. до н.э. какой-то группы носителей культуры Трои II – видимо, части пралувийцев – с северо-запада Малой Азии в область будущей Киликии (Тарс) [Mellaart 1981, 144 и сл.; Маккуин 1983, 23 и сл.], а с другой стороны, тесное греко-троянское общение в эпоху Трои (Трои VI) (1800-1300 гг. до н.э. по К.Блегену), когда расцвет троянского коневодства (во многом, как предполагается, на экспорт) совпадает с весьма вероятным пребыванием у власти в этом городе раннегреческой верхушки [Blegen 1963, 145; Goetze 1957, 82; Mellaart 1958; Page 1959, 56,70; Гиндин-Цымбурский 1994; Гиндин-Цымбурский 1995; Гиндин-Цымбурский 1996, 223; Цымбурский 1996, 248 и сл.; Цымбурский 2003, 23 и сл.; Цымбурский 2005] – дают повод связывать возникновение и первичное распространение варианта *ik'wos с регионом Фракийского моря, с Эгейской Фракией, Троадой и соседними островами⁴.

В контексте этой гипотезы я считаю возможным рассмотреть известный уже 35 лет этрусский вотив из Вольсиний богу Сельвану, или Сельвансу, *selvanzi enizpetla* (SE, 39, 1971, 336).

Структурно эпиклеза *Enizpetla*, род.падеж от **Enizpeta*, принадлежит к группе этрусских теофорных эпитетов, получающих т.н. членную форму, то есть, присоединяющих в исходе указательное местоимение и склоняющихся по местоименному типу (основа косвенных падежей с элементом -l-), ср. *selvans sanxuneta* (TLE 900), *lasa racuneta* (ThLE I, 297), *mariśl menitla* (TLE 359), *selvansel smucinθiunaitula* в V в. до н.э. (ThLE I, 316), к склонению ср. *sa θesan* «это заря» (TLE 340): ...*cla θesan* «этой зари» (M.U, 23). Как давно показал Г.Рикс, благодаря позднеархаической форме *Smucinθiunaitula* может быть объяснена та огласовка на -e, которую получает суффикс относительных прилагательных -na в новоэтрских образованиях *Sanxuneta*, *Racuneta*. Оказывается, во всех разбираемых случаях указательное местоимение *ta* присоединялось к

4. Надо отметить также древнеарм. *ե՛ժ* «осел», род.пад. *ի՛ծօ* или *ի՛ծ*, восходящее к **eišwos* и, может быть, далее к **eik'wos*: дифтонговый анлаут, скорее всего, выдает влияние того же регионального варианта **ik'wos*. В связи с проблемой «праармянской» идентификации малоазийской области Хайяса в позднебронзовом веке очевидный интерес представляет соответствие названий фрако-троянской Арисбы и хайяского центра на Черном море *Αγίρβα*, предположительно говорящее в поддержку гипотезы о продвижении группы последующих обитателей Хайясы на северо-восток со стороны эгеофракийского региона [Гиндин, Цымбурский 1995:31].

прилагательному в своем расширенном варианте ita (ср. TLE 874 ita tmia icac heramasva... «это святилище и статуи сии..»), так что конечный гласный основы прилагательного сливался с начальным гласным местоимения, давая в архаическом этрусском -ai-, а в новоэтрусском -e-: Sanxuneta < *Sanxuna-ita, Racuneta < *Racuna-ita [Rix 1981, 90 и сл.]. Точно также из членной формы *Enizpetla < *Enizpa-itala выделяется исходная нечленная основа эпитета Сельвана *Enizpa.

При всей дискуссионности соотношения между образами и культами италийского Сильвана и этрусского Сельвана – обзор полемики вокруг этой проблемы см. [Pfiffig 1975, 297 и сл.] – взаимовлияние двух традиций на земле Италии в этом случае достаточно наглядно. Так, засвидетельствованная эпитетом Sanxuneta (<*Sancu-na-) связь Сельвана в глазах этрусков с небесным богом сабинян Семоном Санкусом хорошо объясняет – особенно если привлечь сабинскую глоссу Иоанна Лида (Lyd. de mens IV,58 τὸ σάγκος ὄνομα οὐρανὸν σημαίνει τῆ Σαβίνων γλώσσῃ («санкос» на языке сабинян обозначает «небо») – как редкостное прозвание Сильвана у римлян Caelestis (CIL VI, 638), так и частое у них величание его Sanctus. В последнем ученым по праву видится народно-этимологическая переделка либо того же этр. Sanxuneta, либо итал. *Sankios [Pfiffig 1975, 300]. Опубликованный К. де Симоне в конце 80-х [SE 55,1987-1988 [1989], 345 и сл.] воитив «Сельвану Порубежному» (Selvansl Tularias от этр. tular «границы, рубежи») сразу же привел исследователям на память обращение из Горациева эпода 2,22 к «отцу Сильвану, хранителю рубежей» (pater Silvane, tutor finium) (см. замечания де Симоне там же, 347 и сл.; а также работу [Rendelli 1994, 66]). Потому общеизвестная функция латинского Сильвана – попечителя о домашнем скоте, защитника стад, «скотника» (Pecularius), отраженная еще у Катона в описании жертвоприношения этому богу и Марсу «за быков» (de agric.,83) [Wissowa 1902, 175 и сл.; Klotz 1927,122; Radke 1965,120; Штаерман 1961,122,127], вполне поддерживает сопоставление эпитета его этрусского аналога *Enizpa (новоэтрусский членный вариант *Enizpeta) с балканскими и малоазиатскими ономастическими формами на -ισβος (-ισβας, -ισπας, -ιΨFας), -ισβη (-ισπη) «конь, лошадь» - как заимствованного предками этрусков именованного для «конского, лошадиного» божества. Формально это слово с его неэтрусским, чисто индоевропейским префиксом en- должно было изначально представлять тот индоевропейский подтип бахуврихи, где начальным элементом выступает предлог вроде греч. ἔν-οικος «обитающий» или «обитаемый», ἔν-υπνος «являющийся во сне», обозначая «пребывающего при конях». Особенно примечательна возможность полного совпадения этого слова с заимствованным греками – не из того же ли самого балканского источника?

– топонимом Ἐνίσπη («Место, где обретаются кони»?). Хотя этрусская передача с ее рефлексом *-k'w- в виде -zр-, (как и в этр. Ezpa, Ezpu) может быть более архаичной.

Все, что известно о североегейских связях праэтрусков (тирсенов) в доиталийский период их истории, побуждает рассматривать *Enizreta как еще один пример, если не фракизма, то, во всяком случае, балканизма в этрусском, причем балканизма с очень четкой региональной привязкой, лишней раз указующего на бассейн Фракийского моря как на очаг продолжений и.-е. *ek'wos с вторичным начальным i-.

Показательно, что слово δάμνας (=этр.*tamna?), приводимое Гесихием на правах тирренского термина для «коня» (δάμνας. ἵπλος. Τυρρηνοί.), определенно отражает основу греч. δάμννῃσι, вар. δαμάω, δαμάζω «смирять, укрощаю» и отвечает использованию этой основы греками в древних именных композитах со значением «укротитель, -ница коней» ἵπλό-δαμος (ср. мифологические личные имена Ἴπλό-δαμος, Ἴπλό-δάμεια) и δαμάσ-ιπλος (в частности, служащем эпитетом Афины), также в титуле бога-конника Посейдона Δαμάτω, справедливо толкуемом в словаре Лиддела-Скотта как Horse-Tamer [Liddell-Scott, 1968,368]. Зафиксированное Гесихием словопонятие должно было появиться у этрусков (или, лучше сказать, праэтрусков) в результате знакомства с раннегреческой коневодческой фразеологией. Итак, то, что удастся восстановить из этрусской гиппологической лексики, оказывается отмечено фракийским (в том числе специфически эгеофракийским) и греческим воздействиями – точнее, встречей этих воздействий в весьма раннюю пору. Причем особенно интересно, что у этрусков отразились в разных функциях – в одном случае как основа антропонимов, в другом как элемент теонима – два диалектных варианта одного и того же индоевропейского названия коня, известных фракийцам.

ЛИТЕРАТУРА

Гиндин 1967 = Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.

Гиндин-Цымбурский 1994 = Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Прагреки в Трое // Вестник древней истории, 1994, №4.

Гиндин-Цымбурский 1995 = Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Троя и «Пра-Аххиява» // Вестник древней истории, 1995, №3.

Гиндин-Цымбурский 1996 = Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

- Иванов 1977* = Иванов Вяч.Вс. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Ларош 1980* = Ларош Э. Очерк лувийского языка // Древние языки Малой Азии. М., 1980.
- Маккуин 1983* = Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
- Цымбурский 1996* = Цымбурский В.Л. Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии. 1. К предыстории дарданских мотивов в «Илиаде» // Азия – диалог цивилизаций. Спб., 1996.
- Цымбурский 2003* = Цымбурский В.Л. Фракизмы в ономастике Этрурии и в ее пантеоне // Славянское и балканское языкознание. М., 2003.
- Цымбурский 2003а* = Цымбурский В.Л. Этно- и лингвогенез Трои как преломление индоевропейской проблемы (К 75-летию со дня рождения Л.А. Гиндина) // Вопросы языкознания, 2003, №3.
- Цымбурский 2005* = Цымбурский В.Л. Эя и Троя (Прагреки в Северо-Западной Анатолии и происхождение топонима **Aia**) // *Hrdā manasā*/ Сборник статей к 70-летию профессора Л.Г.Герценберга. М., 2005.
- Штаерман 1961* = Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.
- Blegen 1963* = Blegen C.W. Troy and the Trojans. N.-Y., 1963
- Durndorf 1977* = Durndorf S.P.B. Luwian linguistics: Some etymological suggestions // *Revue hittite et asianique*, 33, 1975 (1977).
- Goetze 1957* = Goetze A. Kleinasien. München, 1957.
- Heubeck 1962* = Heubeck A. Kleinasiatishes // *Die Sprache*, 8, 1962.
- Klotz 1927* = Klotz A. Silvanus // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 2-te Reihe, Hbd.5, Stuttgart, 1927.
- Liddell-Scott 1968* = Liddell H.G., Scott R. A Greek-Englisch Lexicon. Oxford 1968.
- Mellaart 1958* = Mellaart J. The end of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // *American Journal of Archaeology*, 62, 1958.
- Mellaart 1981* = Mellaart J. Anatolia and the Indo-Europeans // *Journal of Indo-European Studies*, 9-10, 1981.
- Page 1959* = Page D.L. History and the Homeric Iliad. Berkeley-Los Angeles, 1959.
- Pfiffig 1975* = Pfiffig A.J. Religio Etrusca. Craz, 1975.
- Radke 1965* = Radke G. Die Götter Altitaliens. Münster, 1965.
- Rendelli 1994* = Rendelli N. Selvans Tularia // *SE*, 55, 1993 (1994).

Rix 1981 = Rix H. Pyrgi-Texte und etruskische Grammatik / Die Göttin von Pyrgi /Archäologische, linguistische und kulturgeschichtliche Aspekte. Firenze, 1981.

SE = Studi Etruschi. Firenze.

Thle I = Thesaurus linguae Etruscae.I. Indice lessicale./Publ. da M.Pallottino a cura di M.Pandolfini Angeletti. Roma, 1984.

TLE = Testimonia linguae Etruscae. Firenze, 1968².

Toporov 1990 = Toporov V.N. Thracian Horseman in an Indo-European Perspective// Orpheus, 1990.

Ventris-Chadwick 1973 = Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1973²

Wissowa 1902 = Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. Mnchen, 1902.